

Исмаева Р.М.

**ПРОБЛЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И МОРФЕМНОГО АНАЛИЗА
В РУССКОМ И ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКАХ**

R.M. Ismaeva

**PROBLEMS FORMATIVE AND MORPHEMIC ANALYSIS
IN RUSSIAN AND DUNGAN LANGUAGE**

УДК: 371:356/25

Данная статья расширенно рассматривает словообразования в дунганском языке это словосложение, которое заключается в простом соединении двух и более слов (основ), связь между которыми может быть сочинительной или подчинительной, то есть точно такой же, какая существует между словами в словосочетании и предложении. В этой связи может показаться, сто линейное морфемное членение слов в этом языке производится очень легко.

The main way of word formation in Dungan language is compounding, which is to connect two or more words (bases), the relationship between them can be ordinate or subordinate, that is exactly the same that exists between the words in the phrase and sentence. That's why it may therefore seem , that one hundred linear morphemic segmentation of words in the language is very easy.

Различие двух видов анализа слова - морфемного и словообразовательного, - кажется, ныне ни у кого не вызывает сомнений. Что же касается вопроса об их взаимной связи и месте каждого по отношению друг к другу, то он остается спорным.

Существует точка зрения, согласно которой словообразовательному анализу должен предшествовать морфемный: «Исследование морфемики и морфемный анализ представляет собой своеобразный «пролог» к изучению собственно словообразования русского языка» (3,с.1173).

Имеется, однако, и иное понимание вопроса: «При морфемном анализе мотивированных слов мы имеем дело с результатами такого исследования, и в этом смысле морфемный анализ вторичен по отношению к анализу словообразовательному» (6,с.228-229).

Каждый из этих двух подходов предполагает определенные отношения зависимости друг от друга, в том числе и в смысле очередности рассмотрения структуры слова.

Есть и третий подход, согласно которому морфемный и словообразовательный анализы как две сферы изучения структуры слова в силу различия своих задач могут осуществляться параллельно (1,с. 10-15,448-49).

Научное рассмотрение их с различных позиций, на наш взгляд. Вполне возможно, ибо это связано как с пониманием конкретного исследователя, так и с целесообразностью последовательного решения поставленных им конкретных задач.

В языке же процесс становления структуры слова и процесс образования новых слов, в сущности, происходили и происходят одновременно и параллельно.

Следовательно, и изучение их должно осуществляться с учетом этих объективных процессов, которые настолько взаимосвязаны, что совсем раздельное их рассмотрение абсолютно не представляется возможным

Некоторые сложные проблемы морфемики, например, порою невозможно решить без привлечения материалов словообразования и. наоборот, иногда материалы морфемики проливают свет на не совсем ясные вопросы образования новых слов.

Возьмем, к примеру, слово *идти* и составим две цепочки:

морфологическую - идти, иду, идёшь, идёт, идём, идёте, иду;

словообразовательную - идти, прийти, уйти, пройти, зайти, войти, выйти.

При морфемном членении этого слова в первой цепочке мы получим корневую морфему *ид*, а во второй - коневую морфему *й*. Хотя таким способом будет четко представлено объективно существующее в языке явление.

Если можно предположить, что все словоформы в первой цепочке (составляющие суть слова *идти*) и само это слово появились одновременно, то предположить, что все производные слова во второй цепочке и само слово *идти* (являющееся для них производящей основой) также появились одновременно - даже представить трудно. Каждое новое слово во второй цепочке образует свои словоформы (*уйду, уйдешь, уйдёт* и т.д.), составляющие суть каждого из них. Следовательно, перед нами единый, сложный словообразовательно-морфологический процесс.

Таким образом, язык предоставляет возможности и содержательного, и формального плана не для проведения морфемного и словообразовательного анализа в отдельности, а для единого словообразовательно-морфологического (морфемного) анализа.

Можно привести немало примеров, когда явная вычленяемость, морфем в словах типа *скандалист* (*скандал-скандалист*) помогает выяснить с помощью какого суффикса (например *-ист* или *-ст*) образованы слова типа *социалист, монархист* (*социализм-социалист, монархизм-монархист*). Явная вычленяемость морфем в словах типа *сатирик, подагрик* (*сатира-сатирик, подагра-подагрик*) даёт возможность для выделения суффикса *—ик*, а не суффикса *-к*, в словах типа *историк* (*история*), *фанатик* (*фанатизм*), а в словах типа *физик* (*физика*), *политик* (*политика*) также выделять суффикс *-ик* (7), хотя можно и констатировать здесь нулевой суффикс (*усечение*), конверсию и даже наложение морфем в

основе слова (8,с.482-483). Иными словами, при морфемном анализе данных слов мы имеем единую унифицированную суффиксальную морфему -ик, а при словообразовательном (правда, при различных подходах) - сразу несколько суффиксальных морфем: нулевую,-ик,-к. Как видим, в таких сложных случаях только при едином словообразовательно-морфемном анализе можно найти наиболее взвешенное, сбалансированное решение. А сложных случаев действительно немало. Так, В.В. Лопатин, ссылаясь на работы Е.А. Земской, пишет, что «далеко не все вычленимые в структуре слова отрезки являются морфемами».¹ И в качестве примеров приводит отрезки -ов,-ан,-ат-, -ич-, которые содержатся в основах некоторых мотивированных прилагательных: Орел - орловский. Америка - американский, схема - схематический.² Разделяя во многом эту точку зрения, он далее пишет, что нельзя «признать эти отрезки самостоятельными морфемами»³.

Их называют внеморфемными «прокладками», «инфиксами», частью более длинного морфа». Как бы их не называли, они действительно в языке существуют. Но в приведенных примерах, на наш взгляд, это отдельные морфы. А называют их «прокладками» и «инфиксами» и т.д. потому, что исходили не из тех мотивирующих слов. Для мотивированных прилагательных *орловский*, *американский*, *схематический* мотивирующими. Существительными названы (соответственно) *Орёл*, *Америка*, *схема*. А это, кажется, не совсем так. Для прилагательного *орловский* мотивирующим существительным является, скорее всего не Орёл, а Орлов (ср.: Львов-Львовский, Козлов - козловский, Соснов - сосновский, Белов - беловский, Чернов - чертовский, Краснов - красновский, Попов - поповский и др., где -ев является обычным суффиксальным морфом. Для мотивированного прилагательного *схематический* мотивирующим существительным, вероятно, является слово *схематизм*, а не *схема*. А для мотивированного прилагательного *американский* мотивирующим словом, возможно, является даже не существительное *Америка* (*America*), а английское прилагательное *american*.

Таким образом, в прилагательных *орловский*, *американский*, *схематический* соответствующие отрезки -ов,-ан,-ат- -ич- вряд ли безоговорочно можно считать внеморфемными «прокладками», «инфиксами» или частью более длинного морфа».

Правда, аналогичные отрезки имеются в основах некоторых других прилагательных (ср.: Бакубакинский, Фрунзе-фрунзенский, Ялта - ялтинский, Душанбе - душанбинский и др.). В связи с этим, думается, решение проблемы нужно искать на субморфемном уровне, где каждый такой отрезок просто называют *морфой*. Морфа, согласно определению О.С. Ахматовой, -это «единица, выделяемая на субморфемном уровне», которая в отличие от варианта морфемы не обладает свойством регулярной вос-

производимости» (1,с.240). Если помнить, что «субморфемный» означает «не дифференцированный на уровне морфем» (2, с.260), то всё, кажется, становится на свои места.

В целом, словообразовательно-морфологический (морфемный) подход следует рассматривать как наиболее оптимальный при решении сложных проблем структуры русского слова.

Вполне он применим он, кажется, и при изучении структуры слова в дунганском языке. Во всяком случае, имеющиеся у нас материалы полностью подтверждают это.

Основной способ словообразования в дунганском языке это словосложение, которое заключается в простом соединении двух и более слов (основ), связь между которыми может быть сочинительной или подчинительной, то есть точно такой же, какая существует между словами в словосочетании и предложении (5,с.51).

В этой связи может показаться, сто линейное морфемное членение слов в этом языке производится очень легко и просто. И в самом деле, складываются два и более слов (основ), и получается одно сложное слово (да'большой + щё маленький = дащё размер ; щё маленький + кан 'смотреть'н- да большой' = щёканда лупа* и др.), морфемный шов в котором совершенно очевиден.

Этому же способствует и то, что в дунганском языке имеется сравнительно небольшое количество формальных показателей, которые в слове занимают строго определенное место.

Так, суффиксы предметности -зы,-р,-жя,- кязы,-ту,-ки,-жун весьма продуктивные при образовании существительных (5,с.53), и суффикс множественного числа —му в слове всегда следует за корневой морфемой, которая может быть редуп- лицированной и относится к разным частям речи, например: *лазы* перец (*ла* горький), *фонфор* домик' (*фон* дом), *цеок*;я писатель' (*це* 'писать'), *ealy* дети' и др. Суффиксы прилагательных -ди, -дихын всегда следуют за морфемой, которая соотносится с прилагательным, например: *хунди* красный , *хундихын* очень красный и др.

Глагольные суффиксы времени, естественно, всегда следуют за корневой морфемой, соотносимой с глаголом, например: *няндини* читает, *нянни* будет читать , *нянли* читал и др.

Суффикс причастия -ди всегда следует за основной глагола совершенного вида, например: *вахадди* накопанный (*ва* копать - *вах* накопать), *вадѐди* вскопанный (*ва* копать - *вадѐ* выкопать) и др.

Напомним, что совершенный вид глагола в дунганском языке образуется с помощью суффиксов -ха или -дѐ, например: *ще* писать - *щеха* записать , *щедѐ* написать, *нян* читать -*нянха* начитать, *няндѐ* прочитать и др.

Глаголами совершенного вида являются и те из них, семантика которых связана с результатом, направлением, началом и концом действия. (Их иногда называют результативными глаголами.,

Суффикс причастия -ди следует также за основной и этих глаголов, например: *даланди* разбитый {*да* бить - *долин* разбить } , *нацинлѐди* занесенный {*на*

¹ Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика.-М., 1977,с.26

² Там же.

³ Там же.

нести - экинлэ войти - нацинлэ занести), зутуэди начинающий идти {зу идти - зутуэ начинать идти) и др.

Причастие и глагольные формы, от которых оно образовано, можно представить в виде цепочки: причастие - глагол совершенного вида - глагол неопределенной формы: *даланди разбитый* - *далан* разбить - *да* бить и др. Каждое последующее слово в этой цепочке является мотивирующим для предшествующего слова.

Таким образом, структура дунганского слова, которая сложилась в результате определенного словообразовательного процесса, очень прозрачна, и поэтому граница между его морфемами весьма четко очерчена и хорошо видна.

Однако это не означает, что при морфемном членении дунганского слова не возникают сложности. Возникают, хотя их гораздо меньше, чем при морфемном членении русского слова.

Сложности эти связаны, во-первых, с наличием различных формальных показателей и их связью с различными корневыми морфемами, а также порядком следования грамматических форм, если их в слове несколько.

Во-вторых, сложности эти связаны еще и с тем, что семантика одного из складывающихся компонентов может быть совершенно не ясной, например: *ванзан* посуда {*ван* чаша + *зан*). Бывает также, что значение обоих компонентов сложного слова неизвестно, например: *ванжан* ни в коем случае и др.

По структуре эти слова похожи на двусловные, но из-за того, что лексическое значение одной из их складывающихся частей (или обоих) неизвестно, то трудно сказать, сложные ли эти слова и членятся ли они на отдельные корневые морфемы.

Проиллюстрируем сказанное об определенных трудностях при морфемном членении слова ещё раз на отдельных конкретных примерах.

От основ прилагательного, глагола и существительного, к которым присоединяются суффиксы -зы, -р, -жя, -жязы, -ту, -ки, -жуи, образуются существительные со значением предметности, например: *лазы* перец, *цар* шелкопряд, *щгця* писатель, *чоницязы* певец, *щуанту* кирпич, *фонки* квартирант, *шэхуэйжуй* социализм'. Лишь зная данный тип словообразования и помня эти суффиксы можно произвести морфемное членение полученных слов.

Одно слово может иметь несколько словоформ. Иногда каждая последующая словоформа как бы накладывается на предыдущую, например: *пын* - *пынпынзы* - *пынпынзыни* - *пынпынзыниди* (*пынпынзышонди*) - 'чаша - чашка - в чашке - то, что в чашке (то, что на чашке) Иполучилась целая цепочка словоформ: словарная форма - уменьшительная форма - форма местного падежа - форма местного падежа и принадлежности вместе. В этой цепочке нелегко разобраться, какая морфема выражается какой формой.

При морфемном членении эта цепочка выглядит следующим образом: корневая морфема-редуплицированная корневая морфема+словообразовательный (одиночный) аффикс - редуцированная корневая морфема + словообразовательный (оценочный) аффикс + словоизменительный аффикс - редуци-

рованная корневая морфема + словообразовательный (оценочный) аффикс + словоизменительный аффикс+словообразовательный аффикс. Если вышеприведенный пример расположить в этой цепочке, то он выглядит так: *пын-пын+пын+пын+зы-пын+пын +зы+зы+ни* - *пын+пын+зы+ни+ди* (*пын+пын+зы+шон+ди*).

Есть еще одна сложность, которая возникает при морфемном членении слова. Связана она с морфологическим явлением словообразования.

Таких слов в языке немного: *ванйир* забава, *лова* 'ворона', *пвто* 'виноград', *бти* 'стекло'. Их, вероятно, следует рассматривать как простые одноосновные слова, равно как и заимствования типа *асмар* 'небо', *кила* 'килограмм' и др.

Есть еще аналогичные по структуре слова, но несколько отличные от этих. Возьмем, к примеру, такую словообразовательную цепочку: *дезы* 'тарелка' - *дедезы* 'тарелочка' - *дедер* 'блюбочко' ('розетка'). В ней не хватает начального звена де:- зы и -р - это словообразовательные (оценочные) аффиксы. Значит, -де здесь корневая морфема. А корневая морфема должна иметь лексическое значение (так, по крайней мере в дунганском языке) и быть первой в этой цепочке. Им она не обладает, и её нет в начале цепочки. Выходит, это какой-то особый случай, когда морфема в слове вычленяется как морфема только в ряду близких по значению слов.

В только что приведенной словообразовательной цепочке каждое последующее слово мотивируется предыдущим и наоборот, каждое предыдущее слово мотивируется следующим. Первое слово в цепочке мотивируется только справа, а слева - не мотивируется. Мотивирующим словом слева для него по логике должно быть -де, но оно никакого лексического значения не имеет и поэтому его здесь нет.

Нечто подобное имеется и в русском языке. Так, корневая морфема й_в нем сама по себе никакого лексического значения не имеет, но вычленяется в ряду близких по значению слов: пойти, зайти, выйти.

Считается, что имена существительные уменьшительно-ласкательного значения образуются с помощью редупликации и суффиксов -зы и -р, например: *но* 'сковорода-нонозы' 'сковородка' - *нонор* 'сковородочка'. Утверждение верно относительно суффикса -зы. Что же касается суффикса

-р, то его здесь фактически нет. На самом деле в данном случае происходит морфонологическое чередование гласных. Последний на письме не получил специального обозначения в виде отдельной буквы. В современной дунганской графике он передается сочетанием любой корневой гласной буквы и буквы р (4,с.25). Именно поэтому в конце рассматриваемых существительных слышится один и тот же гласный звук о, а передается он по-разному, например: *бобор* (от бо) 'узелочек', *бабар* (от ба) 'горсточка' и др. Чтобы не ошибиться в написании таких слов, нужно помнить орфографическое правило, согласно которому в конце таких слов пишется гласная, имеющаяся в корневой морфеме (см. пример выше).

Отсюда следует, что существительные уменьшительно-ласкательного значения образуются с помощью редупликации и суффикса -зы (ао'канава'-

г/ог/озы 'канавка'), а также путём редупликации и чередования гласных (*цо'* канава'- *цоцо*, ба'горсть'-бабо, *хэ'обувь'-хэхэр* 'обувка ' и др.). Кстати, чередование гласных в дунганском языке происходит только в этом случае. Специфический гласный, о котором мы выведем речь, чаще всего появляется именно здесь. И чередуется он не только с отмеченными гласными (а, о,э), но и с носовыми а и 5, которые на письме также не получили специального обозначения в виде отдельных букв, а передаются сочетанием гласной буквы корня и последующей согласной буквы н, например: бан(б2) 'доска бйнбар, бон(бо) 'палка ' -бонбои др.

В этой позиции появляется еще один гласный, похожий и по произношению, и по артикуляции на рассматриваемый звук. Только он здесь появляется тогда, когда в корневой морфеме имеется один из следующих гласных: у, ы, у, например: лу 'печь '- лу-ло(условно так его обозначим), л' 'дорога '-л'ло 'дорожка, гын(гы) 'корень '-гынго 'корешок ', дун(ду) 'нора '- дундо 'норка ' и т.д.

Такое чередование также является морфонологическим, поскольку чередующиеся звуки, совершенно разные на фонемном уровне, на морфемном -

проявляют функциональную близость и фактически тождественны (см. примеры выше).

Все эти сложности, как мы могли убедиться, преодолеваются благодаря словообразовательно-морфемному анализу.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке.-М.,1961.
2. Ахматова О. С. Словарь лингвистических терминов,- М.,1969.
3. Дудников А.В. Современный русский язык.- М., 1990.
4. Имазов М.Х. Орфография дунганского языка. – Фрунзе, 1977.
5. Имазов М.Х. Очерки по морфологии дунганского языка.-Фрунзе, 1982.
6. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. - М.,1977
7. Тихонов А.Н. Членимость и производственность типа физик//Развитие современного русского языка.-М., 1972.
8. Янко -Триницкая Н. А. Наложение морфем в основе русского слова //Иzv.АН СССР,ОЛЯ, 1970, №6.

Рецензент: д.филол.н., профессор Имазов М.Х.